

РОБИН
ХОББ

САГА О ВИДЯЩИХ

*Ученик убийцы
Королевский убийца
Странствия убийцы*

САГА О ЖИВЫХ КОРАБЛЯХ

*Волшебный корабль
Безумный корабль
Корабль судьбы*

САГА О ШУТЕ И УБИЙЦЕ

*Миссия шута
Золотой шут
Судьба шута*

ХРОНИКИ ДОЖДЕВЫХ ЧАШОБ

*Хранитель драконов
Драконья гавань
Город драконов
Кровь драконов*

САГА О ФИТЦЕ И ШУТЕ

*Убийца шута
Странствия шута
Судьба убийцы*

САГА О ВИДЯЩИХ

—
*Королевский
удийца*
—

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ
ИЗДАНИЕ

Робин Хобб

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445
X 68

Robin Hobb
ROYAL ASSASSIN
25th Anniversary Illustrated Edition
Copyright © 1996 by Robin Hobb
Illustrations copyright © 2020 by Penguin Random House LLC.
Illustrations and endpaper map by Magali Villeneuve
All rights reserved

Перевод с английского Марии Юнгер

Иллюстрации в тексте Магали Вильнёв

Оформление обложки Татьяны Павловой

Иллюстрация на обложке Пола Люсета

ISBN 978-5-389-20718-9

© М. А. Юнгер, перевод, 1997
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2022
Издательство АЗБУКА®

Посвящается Райану

Коралевский убийца

Пролог

Сны и пробуждения

Почему считается, что записывать магические знания ни в коем случае не следует?

Возможно, истинная причина тому — в извечной боязни дать страшное оружие человеку недостойному.

И потому с незапамятных времен секреты магии передавались лишь от наставника к ученику. Маги тщательно отбирали и обучали своих воспитанников. На первый взгляд эта скрытность объясняется похвальным стремлением оградить людей от неподготовленных и безответственных чародеев, но ведь, чтобы овладеть магическим искусством, одних только знаний недостаточно.

Предрасположенность к определенному роду волшебства человек получает от рождения.

Например, способность к магии, называемой Силой, чаще всего встречается у представителей королевской династии Видящих. Но порой она проявляется и у людей, среди предков которых были как представители материковых племен, так и жители Внешних островов.

Тот, кто умеет направлять Силу,

РОБИН ХОББ. КОРОЛЕВСКИЙ УБИЙЦА

*способен услышать мысли другого человека,
как бы далеко друг от друга они ни находились.
Особо одаренные Силой могут влиять на разум других
людей или общаться с ними на расстоянии.
Для командования сражением или разведки
это крайне полезное умение.*

*В фольклоре упоминается еще более древняя магия,
ныне повсеместно презираемая. Она известна нам
под названием Дар. Не многие признаются,
что наделены этой магией. Обычно люди говорят,
что это свойство крестьян из соседней долины
или тех, кто живет по другую сторону дальнего
моста. Я подозреваю, что некогда Дар был
естественной способностью обитавших на нынешней
территории Шести Герцогств охотников — тех,
кто чувствовал родство с дикими лесными
животными. Оседлым людям такое было недоступно.
Дар, по слухам, давал человеку способность говорить
на языке животных. Наиболее активно
применяющих Дар предупреждали, что они могут
превратиться в животное, с которым связаны.*

Но возможно, это только легенды.

*Существуют несколько разновидностей магии
Ограждения, хотя мне никогда не удавалось
установить происхождение этого названия.
Действенность подобного волшебства часто
ставится под сомнение, хотя не менее часто
и подтверждается. Это и чтение по ладони,
и гадание по воде,
по отражениям хрустала и множество других
магических техник,
имеющих целью предсказывать будущее.*

*Особняком стоит волшебство древних племен,
которое нельзя отнести к той или иной известной
разновидности магии. Это способность даровать*

ПРОЛОГ

невидимость или левитировать, перемещать вещи на расстоянии или вдыхать жизнь в неодушевленные предметы. Словом, все легендарные волшебные вещи от Летящего Кресла Сына Вдовы до Волшебной Скатерти Северного Ветра. Я не знал еще человека, который признавал бы, что владеет подобными умениями. Они, по-видимому, существуют лишь в легендах и приписываются людям, жившим в давние времена или в дальних странах, или существам мифическим и полумифическим — драконам, гигантам, Элдерлингам.

Я ПРЕРЫВАЮ СВОЮ РАБОТУ, ЧТОБЫ ПОЧИСТИТЬ перо. На этой плохой бумаге буквы то слишком тонкие, то расплываются кляксами. Но я не буду использовать для записей хороший пергамент. Пока нет. Да и следует ли их вести? Я спрашиваю себя, зачем вообще доверять это бумаге? Разве эти знания не будут переданы из уст в уста тем, кто достоин их? Возможно. Но возможно, и нет. То, что мы сейчас принимаем как должное, может однажды стать чудом и загадкой для наших потомков.

В библиотеках вы не многое найдете о магии. Я трудолюбиво отслеживал нить знания в лоскутном одеяле обрывочных сведений. Я нашел отдельные ссылки, случайные намеки — и только. За последние несколько лет я собрал их все и храню в памяти, намереваясь свести воедино и изложить на бумаге. И дополнить тем, что стало мне известно из собственного опыта. Возможно, в далеком будущем моя работа ответит на вопросы какого-нибудь несчастного глупца, которого раздавит его собственная магия. Как когда-то меня.

Однако, сев за стол, чтобы приступить к этой работе, я медлю. Кто я такой, чтобы противопоставить мое желание мудрости тех, кто жил до меня? Должен ли я записать простыми словами те методы, при помощи которых Одаренный может расширить зону своего влияния или привязать к себе какое-то

создание? Должен ли я детально изложить, чему должен научиться человек, прежде чем его признают владеющим Силой? Магиями Ограждения и легендарными магиями древности я не владел никогда. Имею ли я право раскапывать их тайны и припиливать к бумаге, словно бабочек? Я пытаюсь обдумать, на что способен человек, получивший такие знания несправедливым путем. Это приводит меня к размышлениям о том, что это знание дало мне. Власть, богатство, любовь женщины? Горько и смешно. Ни Сила, ни Дар ничего подобного мне не дали. А если и предоставили такую возможность, то у меня не достало разума и честолюбия, чтобы ею воспользоваться.

Власть? Не думаю, что когда-нибудь я хотел получить власть ради власти. Я жаждал ее порой, когда был повержен или когда мои близкие страдали под гнетом тех, кто злоупотреблял своим могуществом. Богатство? Оно меня никогда не прельщало. С того мгновения, как я, незаконный внук короля Шрюда, поклялся ему в верности, он всегда следил за тем, чтобы мои нужды полностью удовлетворялись. Еды у меня было в достатке, учебы — даже больше, чем мне иногда хотелось, одежда у меня была и простая, и раздражающе роскошная, и частенько мне перепала монета-другая на мелкие расходы. По меркам Оленьего замка я и вправду жил весьма богато, а уж мальчишки города Баккипа могли только мечтать о чем-то подобном. Любовь? Что ж... Моя лошадка, Уголек, неплохо ко мне относилась — на свой тихий лад. Меня искренне любил пес по имени Востронос, и это стоило ему жизни. Со всей силой собачьей преданности привязался ко мне щенок терьера, и его это тоже привело к гибели. Я содрогаюсь при мысли о цене, которую они с готовностью заплатили за любовь ко мне.

Меня всегда мучило одиночество человека, выросшего среди интриг и тайн, человека, который никому не может полностью открыть свое сердце. Я не мог пойти к Федврону, замковому писарю, ценившему меня за умение красиво писать и рисовать, и рассказать ему, что не имею возможности стать его учеником, потому что уже учусь у убийцы, состоящего на службе у короля. Также я не мог открыть Чейду, моему наставнику в дипломатии кинжала, что я вынес, пытаюсь овла-

деть основами королевской магии у мастера Силы Галена. И ни одному человеку не смел я открыто говорить о моей склонности к Дару, древней магии, считавшейся извращенным и позорным умением.

Даже Молли.

Из всего, что было у меня, Молли была наибольшей драгоценностью, истинным утешением. Она не имела ничего общего с моей повседневной жизнью. Дело не только в том, что она была женщиной, хотя в этом и таилось для меня что-то загадочное и непонятное. Я рос почти исключительно в мужском обществе, лишенный не только матери и отца, но и других кровных родственников, которые бы открыто признавали меня. Еще ребенком меня отдали на воспитание Барричу — суровому главному конюшему, некогда бывшему правой рукой моего отца. Моими товарищами были конюхи и стражники. В те времена, как и сейчас, в военных отрядах имелись женщины, хотя и не так много, как теперь. Но, как и у мужчин, у них были четкие обязанности, и когда они не стояли на посту, то занимались собственными семьями. Я не мог отнимать у них время. У меня не было ни матери, ни сестер, ни теток. Не нашлось ни одной женщины, предложившей мне ту особую нежность, которую, как говорят, может дать только представительница прекрасного пола.

Ни одной, кроме Молли.

Она была всего на год или два старше меня и росла — подобно зеленому побегу, пробивающемуся сквозь щель в булыжной мостовой. Ни пьянство и жестокость отца, ни изнурительный труд подростка, пытающегося содержать дом и продолжать семейное дело, не смогли сокрушить ее. Когда я впервые встретил ее, она была дикой и настороженной, как лисенок. Молли Расквашенный Нос — так звали ее уличные мальчишки. Она часто бывала вся в синяках от побоев своего отца. Несмотря на его жестокость, Молли, однако, любила его. Я никогда не мог этого понять. Он упрекал и ругал дочь, даже когда она тащила его домой после очередной попойки и укладывала в постель. А проснувшись, никогда не испытывал раскаяния за свое пьянство и грубость. Были только новые придирки: почему мастерская не выметена и пол не посыпан свежей травой, почему Молли не ухаживает за пчели-

ными ульями, когда мед для продажи почти кончился, почему не уследила за огнем под котелком с воском... Я был этому свидетелем гораздо чаще, чем мне бы хотелось.

Но, несмотря на все это, Молли росла. И в одно прекрасное лето она внезапно расцвела в молодую женщину, которая заставила меня благоговеть перед ее очарованием. Что до нее, то она, по-видимому, совершенно не подозревала о том, что глаза ее, встретившись с моими, лишают меня дара речи. Никакая магия — ни Сила, ни Дар, которыми я обладал, — не могла защитить меня от случайного прикосновения ее руки и от смущения, в которое меня повергала ее улыбка.

Стоит ли мне описывать ее летящие по ветру волосы или рассказывать, как цвет ее глаз менялся от темно-янтарного до карего в зависимости от ее настроения или тона ее платья? Заметив ее алую юбку и красную шаль среди рыночной толпы, я внезапно переставал видеть людей, сновавших вокруг. Вот магия, которой я был свидетелем, и хотя мог бы описать ее, никто другой не сумел бы воспользоваться ею.

Как я ухаживал за Молли? Я был неуклюжим мальчишкой и глядел на нее, раскрыв рот, подобно дурачку, который тарашится на сверкающие диски бродячего жонглера. Полагаю, она первой поняла, что я влюблен в нее. И она позволила мне ухаживать за ней, хотя я был на пару лет младше, не жил в городе и, насколько она знала, не имел перспективной профессии. Она думала, что я посыльный из замка, от случая к случаю подрабатывающий в конюшнях. Она так и не заподозрила, что я бастард, непризнанный сын наследного принца Чивэла, столкнувший его с пути к трону. Это само по себе было величайшей тайной. О моих магических способностях и о моей настоящей профессии Молли не знала ничего.

Может быть, именно поэтому я смог полюбить ее. И, безусловно, поэтому потерял. Я позволил тайнам, падениям и боли других моих жизней поглотить слишком много моего времени и внимания. Была магия, которой надо учиться, тайны, которые надо разнюхивать, люди, которых надо убивать, и интриги, в которых надо уцелеть. Из-за всего этого мне никогда не приходило в голову обратиться к Молли за поддержкой и пониманием, которых не мог дать мне никто, кроме нее. Она не имела отношения ко всему этому и не была за-

пятнана ничем. Я старательно оберегал ее от любого прикосновения к этим сферам своей жизни. Никогда не пытался втянуть в свои дела. Вместо этого я окунался в ее мир — мир рыбной ловли и кораблей портового города. Молли продавала свечи и мед, делала покупки на рынке, а иногда гуляла со мной по пляжу. Чтобы любить ее, мне было достаточно самого факта ее существования. Я не смел и надеяться, что она может ответить на мое чувство.

Пришло время, когда обучение Силе ввергло меня в отчаяние столь глубокое, что я не надеялся пережить его. Я не мог простить себя за то, что оказался неспособен овладеть Силой; не мог вообразить, что мой провал может быть совершенно безразличен другим людям. Я погрузился в свое отчаяние в угрюмом самоустранении. Прошли долгие недели, в течение которых я не видел Молли и не послал ей никакой весточки о том, что думаю о ней. В конце концов, когда больше обратиться мне было не к кому, я все же нашел ее. Слишком поздно. Однажды вечером я пришел в «Пчелиный бальзам» с корзиной подарков и как раз успел увидеть, как Молли уходит. Не одна. С Джедом, красивым широкоплечим моряком с шикарной серьгой в одном ухе, в расцвете его мужской зрелости. Незамеченный, сраженный, я скользнул в сторону и наблюдал, как они рука об руку идут от свечной мастерской. Я смотрел, как Молли уходит, и позволил ей уйти, а в последующие месяцы пытался убедить себя, что мое сердце тоже отпустило ее. Не знаю, что могло бы случиться, если бы я побежал за ними тем вечером и вымолил у нее одно последнее слово. Странно думать, как много событий может произойти из-за неуместной гордости мальчика, приученного к поражениям. Я выбросил Молли из головы и ни с кем не говорил о ней. Я продолжал жить.

Король Шрюд послал меня в качестве личного убийцы с огромным караваном, отправленным засвидетельствовать обет горной принцессы Кетриккен, которая должна была стать женой принца Верити. Мне надлежало устранить ее старшего брата, принца Руриска, с тем чтобы Кетриккен осталась единственной наследницей трона Горного Королевства. Но, прибыв туда, я натолкнулся на паутину обмана и лжи, сотканную моим младшим дядей, принцем Регалом, который задумал

уничтожить Верити и сам претендовал на руку принцессы. Я был пешкой, которой он собирался пожертвовать в этой комбинации. И я был пешкой, которая неожиданно опрокинула другие фигуры, расставленные им. Ярость и месть Регала обрушились на меня, но я сохранил для Верити его корону и его невесту. Не думаю, что это был героизм. И не думаю, что это была простая месть человеку, который всегда унижал и оскорблял меня. Это был поступок мальчика, становящегося мужчиной и выполнившего клятву, данную много лет назад, еще до того, как я понял ее цену. Я заплатил за это своим здоровьем, которое так долго считал чем-то само собой разумеющимся.

Долгое время, после того как был разрушен заговор Регала, я провел в Горном Королевстве, почти не вставая с постели. Но настало утро, когда я проснулся и понял, что моя долгая болезнь наконец отступила. Баррич решил, что я достаточно здоров, для того чтобы начать долгое путешествие домой, в Шесть Герцогств. Принцесса Кетриккен и ее свита уехали в Олений замок на несколько недель раньше, когда погода еще не испортилась. Теперь в горах уже бушевали снега. Если бы мы в самое ближайшее время не покинули Джампи, то были бы вынуждены зимовать там. В то утро я проснулся рано и укладывал оставшиеся вещи, когда начался первый приступ мелкой дрожи. Я решительно пренебрег им. Я просто ослабел, сказал я себе, и еще не завтракал, а кроме того, возбужден предстоящим путешествием. Я надел то, что приготовила Джонки для нашей долгой поездки через горы и равнины. Для меня она принесла длинную красную рубашку, подбитую шерстью, и зеленые стеганые штаны, окаймленные красным у пояса и манжет. Сапоги были мягкими и почти бесформенными. Они напоминали мешки из мягкой кожи, отороченные мехом, и закреплялись на ноге длинными кожаными полосками. Моим дрожащим пальцам было нелегко завязать их. Джонки сказала нам, что эти сапоги идеально подходят для сухого горного снега, но лучше их не мочить.

В комнате было зеркало. Сперва я улыбнулся своему отражению. Даже шут короля Шрюда не одевался так ярко. Но по контрасту с веселой расцветкой одежды мое лицо казалось

Пролог

особенно худым и бледным, а глаза — слишком большими. Жесткие черные волосы, остриженные на время болезни, торчали, как шерсть у собаки на загривке. Моя болезнь иссушила меня. Но я сказал себе, что наконец отправляюсь домой. И отвернулся от зеркала. Когда я упаковывал несколько маленьких подарков, которые выбрал, чтобы отвезти домой друзьям, слабость стала доносить меня пуще прежнего.

В последний раз Баррич, Хендс и я сели позавтракать с Джонки. Я снова поблагодарил ее за все, что она сделала для моего выздоровления. Я взял ложку, собираясь приняться за кашу, и мою руку свело судорогой. Ложка упала. Я проводил ее глазами и упал вслед за ней.

Следующее, что я помню, — это темные углы спальни. Долгое время я лежал не двигаясь и не разговаривая. Состояние опустошенности сменилось пониманием того, что со мной случился еще один припадок. Он прошел; тело и разум снова подчинялись мне. Но я больше не хотел ими командовать. В пятнадцать лет, когда большинство людей только начинают входить в силу, я уже не мог доверить своему телу даже самую простую работу. Мое тело было разрушено, и в приступе горькой обиды я злился, что оно никуда не годится. Я люто ненавидел себя и искал способа выразить мое жестокое разочарование. Почему я не смог выздороветь? Почему я не поправился?

— На это потребуется время, вот и все. Подожди, пока пройдет полгода после отравления. Тогда и оценивай себя.

Это была Джонки, целительница. Она сидела у огня, но ее кресло было задвинуто в тень. Я не замечал ее, пока она не заговорила. Она поднялась медленно, будто по зиме у нее разболелись суставы, подошла и встала у моей постели.

— Я не хочу превратиться в старика!

Джонки поджала губы:

— Раньше или позже, но тебе придется. Я, по крайней мере, очень надеюсь, что ты доживешь до этого. Я стара, и мой брат, король Эйод, тоже. Мы не находим, что это такая уж тяжелая участь.

— Пусть мое тело станет телом старика, но только когда придет срок! А так жить я не могу.

Она озадаченно покачала головой:

— Конечно можешь. Лечиться бывает скучно, но сказать, что ты не можешь так жить... Я не понимаю. Может быть, тому виной различие в наших языках.

Я набрал воздуха, чтобы заговорить, но в это мгновение вошел Баррич:

— Проснулся? Тебе лучше?

— Проснулся. Мне не лучше, — пробурчал я.

Даже мне самому это показалось ответом капризного ребенка.

Баррич и Джонки переглянулись. Старая женщина подошла к постели, похлопала меня по плечу и молча вышла из комнаты. Их очевидное спокойствие раздражало, и бессильная ярость захлестывала меня, подобно приливу.

— Почему ты не можешь вылечить меня? — требовательно спросил я Баррича.

Мой обвинительный тон, казалось, обескуражил его.

— Это не так просто... — начал Баррич.

— Почему? — Я приподнялся в постели. — Я видел, как ты избавляешь животных от самых разных недугов. Лихорадка, сломанные кости, глисты, чесотка... Ты — главный конюший, и я видел, как ты со всем этим справляешься. А почему ты не можешь вылечить меня?

— Ты не собака, Фитц, — тихо сказал Баррич. — С животным, когда оно серьезно заболевает, проще. Иногда мне приходится идти на крайние меры, и тогда я говорю себе: «Что ж, если собака умрет, она, по крайней мере, не будет больше страдать. Смерть избавит ее от мучений». Я же не могу поступить так с тобой. Ты не собака.

— Это не ответ! Стражники тоже зачастую идут не к врачу, а к тебе. Ты вынул наконечник стрелы из раны Дэна. Ты разрешил ему всю руку, чтобы это сделать! Когда лекарь сказал, что нога Грейдин слишком воспалилась и ее придется отнять, Грейдин пришла к тебе и ты спас ей ногу. А лекарь все время говорил, что заражение пойдет дальше, Грейдин умрет и ты будешь в этом виноват.

Баррич скрипнул зубами. Будь я здоров, я бы остерегся его гнева. Но он так заботливо и терпимо относился ко мне, пока

я болел, что это придало мне дерзости. Когда Баррич заговорил, голос его был тихим и ровным.

— Да, это было рискованно. Но люди, которые приходили ко мне, знали о риске. И, — он повысил голос, чтобы заглушить мои возможные возражения, — это были простые случаи. Я знал причину. Вынуть наконечник и древко стрелы и вычистить рану Дэна. Сделать припарку и выгнать гной из ноги Грейдин. Но твоя болезнь не так проста. Ни Джонки, ни я на самом деле не знаем, что с тобой. Последствия ли это яда, который дала тебе Кетриккен, когда думала, что ты хочешь убить ее брата? Или действие отравленного вина, которое тебе подсунул Регал? Или все дело в том, что тебя после отравления избили до полусмерти? Может, это оттого, что ты чуть не утонул? А может быть, это результат всех напастей вместе? Неизвестно. И поэтому мы не знаем, как лечить тебя. Мы просто не знаем.

При последних словах его голос дрогнул, и я увидел, что привязанность Баррича ко мне берет верх над его раздражением. Он прошелся по комнате, потом остановился и взглянул в огонь.

— Мы много говорили об этом. В преданиях Джонки есть многое, о чем я никогда раньше не слышал. А я рассказал ей о способах лечения, которые известны мне. Но оба мы согласились, что твой главный лекарь — это время. Смерть, насколько мы видим, тебе не грозит. Возможно, в конце концов твой собственный организм выгонит последние остатки яда или излечит какие-то внутренние расстройства.

— Или, — добавил я тихо, — мне суждено остаться таким до конца моих дней. Если этот яд или побои окончательно повредили что-нибудь во мне. Будь проклят Регал — я уже был связан, а он все бил и бил меня ногами.

Баррич словно окаменел. Потом он опустился в кресло в тени у очага. Голос его был печальным:

— Да. Такое тоже возможно. Но разве ты не видишь, что у нас нет выбора? Я мог бы дать тебе снадобье, чтобы попытаться выгнать из тебя яд. Но если это какое-то повреждение, а не яд, такое лечение только ослабит тебя, и тогда выздоровление займет гораздо больше времени.

Он посмотрел в огонь, поднял руку и коснулся белой пряди в волосах. Не я один стал жертвой предательства Регала. Сам Баррич только что оправился от удара по черепу, который убил бы любого другого. Я знал, что много дней подряд у него кружилась голова и было расстроено зрение. При мысли об этом я почувствовал некоторые угрызания совести.

— Так что же мне делать?

Баррич вздрогнул, словно его внезапно разбудили.

— То же, что и раньше. Ждать. Есть. Отдыхать. Успокоиться. И посмотреть, что из этого выйдет. Разве так уж плохо?

Я пропустил вопрос мимо ушей.

— А если мне не станет лучше? Если судороги и припадки так и будут продолжаться?

Он долго не отвечал.

— Живи с этим. Многим приходится жить с гораздо худшими хворями. Большую часть времени ты здоров. Ты не слеп. Ты не парализован. Ты не потерял разум. Прекрати мучить себя тем, чего не можешь изменить. Почему бы тебе не подумать о том, чего ты не потерял?

— Чего я не потерял? Чего я не потерял? — Моя ярость взвилась, как стайка испуганных птиц. — Я бессилен, Баррич. Я не могу вернуться в Олений замок таким. Я бесполезен. Я хуже чем бесполезен, меня в любой момент могут убить. Если бы я мог вернуться и втоптать Регала в грязь, это имело бы какой-то смысл. А я должен буду сидеть с принцем Регалом за одним столом, быть вежливым и почтительным с человеком, собиравшимся свергнуть Верити и вдобавок убить меня. Мне невыносима даже мысль о том, что он увидит меня дрожащим от слабости и сотрясаемым судорогами. Я не желаю смотреть, как он улыбается, видя, что сделал со мной. Я не хочу быть свидетелем его триумфа. Он снова попытается убить меня. Мы оба знаем это. Может быть, он понял, что не в силах соперничать с Верити, возможно, он будет даже с уважением относиться к правлению своего старшего брата и его молодой жены. Но я сомневаюсь, что это распространится на меня. Я для него — еще одна возможность причинить боль Верити. А когда он явится ко мне, что я смогу сделать? Я, сидящий у огня, как парализованный старик, и не делающий ничего. Ничего! Все, чему меня учили, все уроки Ходд, вся

грамота Федврена, даже все то, что ты объяснял мне в конюшнях! Все напрасно! Ничего этого я делать не могу. Я снова стану только бастардом, Баррич, а кто-то однажды сказал мне, что королевский бастард остается в живых, только пока он полезен. — Последние слова я практически выкрикнул.

Но даже в своей ярости и отчаянии я ничего не сказал о Чейде и моем обучении дипломатии кинжала. И в этом я тоже теперь был бессилен. Вся моя хитрость и ловкость рук, все точные способы убить человека одним прикосновением или сделать так, чтобы он умер в мучениях от смеси ядов, — все было недоступно ныне моему несчастному, разваливающемуся телу.

Баррич сидел тихо и слушал меня.

Когда воздух в моих легких и моя ярость иссякли и я сидел, задыхаясь, в постели, сжимая предательски дрожащие руки, он спокойно заговорил:

— Так. Значит, ты хочешь сказать, что мы не поедem в Олений замок.

Это ошеломило меня:

— Мы?

— Моя жизнь принадлежит человеку, который носит эту серьгу. За этим стоит длинная история, которую, возможно, я когда-нибудь расскажу тебе. Пейшенс не имела права давать эту вещь тебе. Я думал, что серьга отправилась в могилу вместе с принцем Чивэлom. Вероятно, Пейшенс думала, что это просто драгоценность, которую носил ее муж, и она вольна распоряжаться ею. Как бы то ни было, теперь ее носишь ты. Куда бы ты ни шел, я последую за тобой.

Я поднес руку к безделушке в моем ухе. Это был крошечный синий камешек, запутавшийся в серебряной паутине. Я начал расстегивать замочек.

— Не делай этого, — сказал Баррич. Голос его был тихим, но более глубоким, чем низкое рычание собаки. В нем были и угроза и приказ.

Я опустил руку, не решившись задать вопрос. Странно было, что этот человек, который воспитывал меня с самого детства, теперь отдавал свою судьбу в мои руки. Однако он сидел здесь, перед огнем, и ждал моего решения. Я смотрел на его силуэт в свете танцующего пламени. Когда-то он казался мне

угрюмым великаном, темным, угрожающим, но он был для меня и надежным защитником. Теперь, может быть в первый раз, я видел в нем просто человека. Темные глаза и волосы чаще всего встречались у тех, в ком текла кровь островитян, и в этом мы, очевидно, были схожи. Но его глаза были карими, а не черными, и щеки над вьющейся бородой покраснели от ветра — черты, унаследованные от светловолосого предка. Он прихрамывал, особенно в холодные дни. Это были последствия схватки с кабаном, пытавшимся убить Чивэла. Баррич вовсе не был таким огромным, каким казался мне раньше. Если я буду продолжать расти, то, вероятно, меньше чем через год перерасту его. Не было у него и богатырских мускулов. Зато он был крепко сбит, тело его и разум всегда действовали в согласии. В Оленьем замке Баррича уважали и боялись не из-за роста, а из-за крутого и упрямого нрава. Однажды, когда я был еще очень мал, я спросил его, случалось ли ему когда-нибудь проигрывать бой. Он только что укротил норовистого молодого жеребца и успокаивал его в стойле. Баррич улыбнулся, обнажив крупные, как у волка, зубы. Капли пота стекали по его щекам. Он ответил мне через перегородку стойла.

— Проигрывать бой? — все еще задыхаясь, спросил он. — Бой не заканчивается, пока ты его не выиграл, Фитц. Это очень просто запомнить. Независимо от того, как думает твой соперник, будь то человек или лошадь.

Я задумался тогда, был ли я тоже битвой, которую ему надлежало выиграть. Баррич часто говорил мне, что я был последним поручением, которое дал ему Чивэл. Мой отец отрекся от трона, узнав о моем существовании. Тем не менее он передал меня этому человеку и просил его заботиться обо мне. Может быть, Баррич думает, что это поручение еще не выполнено?

— А что я должен делать, по твоему мнению? — покорно спросил я.

И эти слова, и эта покорность нелегко дались мне.

— Выздоровливать, — ответил он немного погодя. — Дать себе время на выздоровление. Его нельзя ускорить.

Он посмотрел вниз, на собственные ноги, протянутые к огню. Его губы сложились в некое подобие улыбки.

Пролог

— Полагаешь, мы должны вернуться? — не унимался я.

Баррич откинулся назад в кресле, положил ногу на ногу и уставился в огонь. Он долго не отвечал, но наконец произнес, почти неохотно:

— Если мы не вернемся, Регал решит, что он победил. И попытается убить Верити или по крайней мере придумает что-нибудь, чтобы отобрать корону у своего брата. Я дал обет моему королю, Фитц, так же как и ты. Сейчас это король Шрюд. А Верити — его наследник. Не думаю, что будет хорошо, если он не получит трона.

— У него есть другие слуги, гораздо полезнее меня.

— Это освобождает тебя от твоего обета?

— Ты говоришь, как священник.

— Я не спорю с тобой. Я просто задал тебе вопрос. И задам еще один. От чего ты откажешься, если решишь не возвращаться в Олений замок?

Теперь настал черед замолчать мне. Я действительно размышлял о моем короле и о том, в чем поклялся ему. Я думал о принце Верити — о его грубоватой сердечности и простоте обращения. Я вспомнил Чейда и улыбку, медленно проступавшую у него на лице, когда мне наконец удалось овладеть очередным кусочком тайных знаний; леди Пейшенс и ее горничную Лейси, Федврена и Ходд, даже повариху и мастерицу Хести, портниху. Было не так много людей, которым я был небезразличен, и потому они мне были еще дороже. Мне бы не хватало их всех, если бы я решил никогда больше не возвращаться в замок. И словно пламя, тлевшее до поры в горячих углях, вспыхнуло во мне воспоминание о Молли. И каким-то образом я начал говорить о ней с Барричем, а он только кивал, пока я изливал ему свою горестную историю.

Когда он наконец заговорил, то сказал только, что, по слухам, «Пчелиный бальзам» закрылся, когда владевший заведением старый пьяница умер по уши в долгах. Его дочь была вынуждена отправиться к родственникам в другой город. Он не знал точно в какой, но был уверен, что я смогу это выяснить, если захочу.

— Спроси свое сердце, прежде чем сделаешь это, Фитц, — добавил он. — Если тебе нечего предложить ей, оставь ее в покое. Калека ли ты? Только если ты сам так решишь. Но

если ты убежден в том, что ты теперь инвалид, тогда, наверное, у тебя нет права искать ее. Не думаю, что тебе нужна ее жалость. Жалость — никчемная замена любви.

И потом он встал и оставил меня смотреть в огонь и размышлять.

Был ли я калекой? Потерпел ли я поражение? Тело мое дрожало, как струны плохо настроенной арфы. Это так. Но победила моя воля, а не воля Регала. Мой принц Верити все еще готов занять трон Шести Герцогств, и горная принцесса теперь стала его женой. Боюсь ли я насмешек Регала над моими дрожащими руками? Разве я не смогу смеяться в ответ? Ведь Регал никогда не станет королем. Во мне поднималось злорадное удовлетворение. Баррич был прав. Я не был побежден и мог убедиться в том, что Регал осведомлен о моей победе.

Но если я выиграл схватку с Регалом, неужели я не смогу также завоевать и Молли? Что стояло между нею и мной? Джед? Но Баррич слышал, что она покинула Баккип, а не вышла там замуж. Ушла, оставшись без копейки, чтобы жить со своими родственниками. Позор Джеду, если он позволил ей сделать это. Я стал бы ее искать, я нашел бы ее и покори́л. Молли, с ее развевающимися волосами, Молли, в ярких красных юбках и плаще, смелая, как красногрудая сорока, и глаза такие же яркие. От воспоминания о ней я задрожал. Я улыбнулся про себя, а потом почувствовал, как мои губы искривились и легкая дрожь превратилась в содрогание. Мое тело выгнулось, затылок резко ударился о кровать. Я невольно вскрикнул — невразумительный булькающий звук. В мгновение ока Джонки оказалась рядом со мной и позвала Баррича, и уже они оба держали меня за руки и ноги. Баррич всем телом навалился на меня, пытаясь остановить судороги. И тут я потерял сознание.

Я выбирался из темноты на свет, словно поднимаясь после глубокого погружения в теплую воду. Глубина перьевой перины баюкала меня, одеяла были мягкими, я чувствовал себя в безопасности. Несколько мгновений все было тихо. Я лежал неподвижно, чувствуя себя почти хорошо.

— Фитц? — Баррич наклонился надо мной.

Пролог

Мир вернулся. Я узнал себя — искромсанное жалкое существо, марионетку с перепутанными нитками, лошадь с разорванным сухожилием. Я никогда не стану прежним. Для меня нет места в этом мире, в котором я некогда обитал. Баррич сказал, что жалость — плохая замена любви. Я не хотел жалости ни от кого из них.

— Баррич.

Он наклонился ниже.

— Все было не так уж плохо, — солгал он. — Теперь тебе надо отдохнуть. Завтра...

— Завтра ты поедешь в Олений замок.

Он нахмурился:

— Давай не будем спешить. Дай себе несколько дней, чтобы оправиться, и тогда мы...

— Нет. — Я с трудом заставил себя сесть на постели. — Я принял решение. Завтра ты поедешь назад в замок. Тебя там ждут. Люди, животные. Ты нужен. Это твой дом и твой мир. Но не мой. Уже нет.

Он долго молчал.

— И что ты будешь делать?

Я покачал головой:

— Это уже не твоя забота. И ничья. Только моя.

— А как же девушка?

Я еще сильнее потряс головой:

— Она уже ухаживала за одним инвалидом и провела всю свою юность за этим занятием только для того, чтобы обнаружить, что он оставил ее в долгах. Могу ли я вернуться таким и искать ее? Могу ли я просить ее любви, чтобы стать ей такой же обузой, какой был ее отец? Нет. Одной или замужем за другим, ей будет лучше без меня.

Мы оба долго молчали. В углу комнаты Джонки деловито готовила очередной травяной настой, который ничем не сможет помочь мне. Баррич нависал надо мной темной грозовой тучей. Я знал, как сильно ему хочется тряхнуть меня за плечи и выбить из меня это упрямство. Но он сдержался. Баррич не бил калек.

— Так, — сказал он наконец. — Значит, остается только твой король. Или ты забыл, что поклялся быть слугой короля?

— Нет, не забыл, — ответил я тихо. — И если бы верил, что я все еще слуга, то вернулся бы. Но я не слуга, Баррич. Я обуза. Я стал бесполезной пешкой, которую к тому же надо защищать. Заложник для захвата, бессильный защититься самостоятельно от кого бы то ни было. Нет. Единственное, что я еще могу сделать для короля, — это выйти из игры, прежде чем кто-нибудь другой воспользуется моей немощью, чтобы причинить вред моему государю.

Баррич отвернулся. Его силуэт едва различался в сумерках комнаты, лица его нельзя было разглядеть в слабом свете огня.

— Завтра мы поговорим... — начал он.

— Только чтобы попрощаться. Я это твердо решил, Баррич. — Я коснулся рукой серьги в моем ухе.

— Если ты остаешься, значит и я не могу уехать. — В его низком голосе была ярость.

— Нет, не так. Когда-то мой отец захотел, чтобы ты остался и вырос для него бастарда. Теперь я говорю тебе, чтобы ты уходил и служил королю, который все еще нуждается в тебе.

— Фитц Чивэл, я не...

— Пожалуйста. — Я не знаю, что Баррич услышал в моем голосе, только он внезапно замер. — Я так устал. Так ужасно устал. Я уверен, что не смогу дожить до того, что, как все считают, я должен сделать. Я просто не доживу. — Мой голос дрожал, как у старика. — Не имеет значения, что мне следовало бы сделать. Не имеют значения мои клятвы. Во мне не осталось сил, чтобы сдержать слово. Может быть, это неправильно, но так уж оно есть. Чужие планы. Чужие цели. Никогда они не были моими. Я пытался, но... — Комната закачалась вокруг меня, как будто говорил кто-то другой и я был потрясен его словами. Но я не мог отрицать их правдивость. — Теперь мне нужно остаться одному. Чтобы отдохнуть, — просто сказал я.

Они оба только смотрели на меня. Ни один из них не заговорил. Они вышли из комнаты медленно, словно надеясь, что я передумаю и позову их назад. Я этого не сделал.

Но, оставшись один, я позволил себе перевести дыхание. От тяжести принятого решения у меня кружилась голова. Я не вернулся в Олений замок. Но что мне делать, я не знал.

Хобб Р.

Х 68 Королевский убийца. Иллюстрированное издание : роман / Робин Хобб ; пер. с англ. М. Юнгер. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. — 736 с. : ил. + вкл. (20 с.).

ISBN 978-5-389-20718-9

Фитцу удалось выполнить опасную миссию в роли королевского убийцы, но это стоило ему слишком дорого. Чудом пережив попытку отравления, он дает себе клятву не возвращаться на королевскую службу. Но любовь и жестокие обстоятельства влекут его обратно в Баккип, ко двору постаревшего и больного короля Шрюда, в зловещую паутину интриг, в войну с врагами Шести Герцогств, которая разгорается с новой силой.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-445

Литературно-художественное издание

Робин Хобб
Королевский убийца

И Л Л Ю С Т Р И Р О В А Н Н О Е
И З Д А Н И Е

Ответственный редактор Геннадий Корчагин
Художественный редактор Татьяна Павлова
Технический редактор Татьяна Раткевич
Подготовка иллюстраций Дмитрия Кабакова
Корректор Валерий Камендо
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 25.01.2022. Формат издания 70 × 100^{1/16}.
Печать офсетная. Тираж 5000 экз. Усл. печ. л. 60,9 (вкл. наклейку).
Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

H-ZNF-29622-01-R